

сударству, наконецъ, какъ всепроницающему знанію, принадлежитъ будущее».

«Такъ какъ я вамъ сказалъ,—продолжалъ Профессоръ—что, по частнымъ свѣденіямъ, мною полученнымъ, Баронъ страдаетъ неизлѣчимою болѣзнію, то, конечно, онъ не кончитъ своего проекта, не достигнетъ цѣли осуществленія всезнающей полиціи, опирающейся на науку и технологию, не дастъ государству знанія, а слѣдовательно и его принципъ, повидимому, принадлежитъ къ принципамъ неизлѣчимо-болѣннымъ, и его принципъ, какъ надо думать, не встрѣтитъ уже для себя защитника и представителя въ нашихъ будущихъ собраніяхъ. Это—сила умирающая.

«Мой докладъ конченъ, и мы можемъ приступить къ дѣлу. По жребію, вынутаго на прошломъ засѣданіи, за пропускомъ голосовъ Барона и Джуліо, порядокъ слова слѣдующій: Картежникъ, Инквизиторъ, Бабёфъ и я. Слово принадлежитъ Картежнику».

Картежникъ началъ:

«Вы отлично знаете, что я считаю вашихъ единомышленниковъ, Бабёфъ и Инквизиторъ, своими врагами, что употребляю и буду употреблять всѣ усилія, чтобы скорѣе обезсилить и раздавить ихъ, не щадя при этомъ никого и ничего. Вашихъ же мыслителей и изслѣдователей, многоученый Профессоръ—замѣтилъ онъ иронически—я

не трогаю, потому что вижу въ нихъ частью безвредныхъ тружениковъ, частью нашихъ бессознательныхъ союзниковъ. Для васъ наука,—все, для меня это—орудіе, какъ и для Бабёфа; но я весьма далекъ отъ того, чтобы относиться къ ней съ безсмысленной враждою Инквизитора. Она — орудіе, но орудіе сильное и единственно-цѣлесообразное. Она позволяетъ предвидѣть вѣроятное будущее, и потому именно я считаю несомнѣннымъ, что побѣда будетъ принадлежать *намъ*, тому дѣловому и расчетливому классу общества, который въ рѣчахъ Бабёфа такъ часто является подъ именемъ ожирѣвшей буржуазіи, эксплуататоровъ труда и т. д. и т. д.; тѣмъ отрицателямъ всякаго религіознаго авторитета, которыхъ нашъ Инквизиторъ громитъ въ своихъ проповѣдяхъ, какъ исчадіе ада, какъ развращенныхъ безбожниковъ; тѣмъ практическимъ людямъ, на которыхъ такъ поразительно смотрятъ профессора, въ родѣ нашего Профессора, и которые позволяютъ себѣ смотрѣть еще болѣе поразительно на слѣпыхъ ученыхъ, не замѣчающихъ, что именно ихъ доводы говорятъ въ нашу пользу.

«Точно ли мы исчадіе ада, я разбирать не стану, потому что считаю бесполезнымъ восходить къ столь метафизическимъ соображеніямъ (изъ улыбки многоученаго Профессора вижу, что, вѣроятно, не точно